

Данная лекция подготовлена
при финансовой поддержке
Фонда «Русский мир»

*Блинова Анна Николаевна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры этнографии и
музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

РОДИЛЬНЫЙ ОБРЯД РУССКИХ СИБИРИ

План:

1. Семья русского населения Сибири
2. Представления русских Сибири о детстве и материнстве
3. Родильная обрядность русских Сибири

Литература:

Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М. 2001. 319 с.

Русские: история и этнография. М., 2008. 751 с.

Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. 334 с.

Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. 566 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII - середина XIX в. М. 1981. 269 с.

Тематика лекции несколько расширена, с целью ввести слушателя в контекст исследовательского поля. Так, нам кажется необходимым рассказать о структуре русской семьи в Сибири, отношениях внутри семьи, отношению к материнству, но основное внимание, мы уделим, конечно, родильной обрядности русского населения.

Рождение и воспитание, да и вся жизнь ребенка, неразрывно связаны с семьей, которая выступает микросредой, в которой первые годы жизни существует ребенок. Он полностью зависит от этой среды, именно в ней формируется его ранний социальный опыт. В исследованиях последних

лет большое внимание уделяется этому вопросу¹. Особое значение приобретает рассмотрение установок, которые функционируют в культуре в области семейных взаимоотношений, рождения ребенка, его воспитания.

1. Семья русского населения Сибири

При изучении этнической истории народа без внимания нельзя оставить вопрос о структуре семьи и отношениях внутри этого социального организма, так как семейный строй русского населения и его особенности представляются важным свидетельством для характеристики этнических процессов.

Сложение и развитие русской крестьянской семьи в Сибири неразрывно связаны с историей заселения и хозяйственного освоения сибирских пространств переселенцами. Русское крестьянское население, оседа в Сибири, создавало хозяйство, опираясь не только на хозяйственную культуру, но и на бытовые традиции, которые во многом обуславливались семейным строем.

Изучение семьи сопряжено с известными трудностями, которые обусловлены характером и состоянием источников. Вопросы, связанные с семьей, могут быть исследованы "только косвенным образом, поскольку семья никогда не была объектом, о котором собирались бы специальные сведения во время дореволюционных переписей". Поэтому о наличии семей у поселенцев, о составе этих семей, времени их сложения можно судить с некоторой долей условности. Историю крестьянской семьи в XVIII - XIX вв. можно проследить по массовым материалам, представленным в ревизских сказках. Ревизии второй половины XVIII в.

¹ Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Гучинова Э.Б. Порядок рождения и привязанность к родственникам: кросс - культурный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. - №2 (18). – С. 134.

дают достаточно точные сведения о составе населения, так как, начиная с третьей ревизии, в них фиксировались не только мужчины, но и женщины².

Первоначальное русское население районов Западной Сибири почти не имело семей. Оно состояло в основном из мужчин, пришедших в одиночку. Перевоз родственников с "Руси" был первым этапом создания семей у русского населения Сибири. С середины XVII в. по мере роста осевшего населения возникали внутренние возможности для образования семей в среде сибирских переселенцев. Немалую роль в этом сыграли вторичные внутренние заселения. Внутренние миграции осуществлялись переселенцами с семьями, так что население на новых местах формировалось как семейное³.

Сибири, как и вообще России, были свойственны крестьянские семьи двух типов: малые, состоявшие из двух поколений (родители - дети), и неразделенные. К последним относились так называемые "отцовская", состоявшая из трех, а иногда четырех поколений, и "братская", в которой совместно жили женатые братья со своими детьми.

На первом этапе освоения Сибири преобладали семьи, которые по своей форме относились к малой семье. Однако, и на первом этапе освоения Сибири семьи русских сибиряков были разнообразны по составу, так как с "Руси" вывозились разные родственники. Переселенцы вывозили родственников после того, как становились постоянными жителями Сибири, а "превращение их в таковых... затягивалось на года, в течение которых их родственники в России могли умереть или покинуть семьи"⁴. Поэтому прежний состав семьи в Сибири восстанавливался редко.

В начале XVIII в. стал наблюдаться рост неразделенных семей. Традиция восстановления неразделенных семей была обусловлена хозяйственными соображениями. В целом, в освоенных районах Сибири к

² Герасимова Л.Б. Семья и семейно-родовые кланы русских Омского Прииртышья // Русские в Омском Прииртышья (XVIII – XX века): Историко-этнографические очерки. Омск, 2002. С.59.

³ Там же. С. 60.

⁴ Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 18.

началу XVIII в. неразделенные семьи либо преобладали, либо составляли немалое число. Таким образом, в сравнении с начальным периодом заселения размеры семей увеличиваются, усложняется их состав. Разделы разраставшихся семей тормозились в это время обработкой десятинной пашни - повинностью, возлагавшейся на семью как тяглую единицу.

Во второй половине XVIII в. в развитии крестьянской семьи начал проявляться новый этап. К тому времени во многих местах начались разделы старожильческих семей, чему способствовали отмена государственной пашни (с 1760-х гг.) и перевод крестьян на повинность в денежной форме. Кроме того, путем разделов крестьяне стремились избавиться от рекрутской повинности, так как общины стремились выделить рекрутов в первую очередь из многолюдных семей. Аналогичная ситуация имела место в тех районах юга Западной Сибири, где процесс первоначального освоения завершился: В Тарском округе средние размеры крестьянских семей в 80-90-х гг. XVIII в. колебались по волостям от 2 до 3,2 души мужского пола, а типичными были семьи в 1-3 души мужского пола⁵.

Рис. 1. Переселенцы у своего дома. Источник: Цифровая библиотека «Meeting of Frontiers / Встреча на границах» Библиотека конгресса США. <http://memory.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html> Digital ID: mtfxph ekr0219

⁵ Герасимова Л.Б. Указ. соч. С. 61.

По данным IV-й ревизии 1782 г. в слободе Бергамакской семья состояла из 3,2 души мужского пола и 3,1 души женского пола, типичными были семьи в 1-4 души мужского пола. Нетипичными на общем фоне выглядели семья Лисина Ивана Дмитриева, состоящая из 18 душ мужского пола и 13 душ женского пола, и семья Мельникова Михайло Никитина, состоящая из 20 душ мужского пола и 16 душ женского пола. Семья Мельникова была четырехпоколенной неразделенной братской семьей⁶.

Таким образом, крестьянская семья в освоенных в XVIII в. районах юга Западной Сибири к концу столетия приблизилась по размерам и структуре к крестьянским семьям уездов раннего заселения. Малая семья в это время становилась господствующей формой семьи, как и в начальном периоде освоения Сибирских земель. Но между малой семьей, существовавшей у первого поколения сибирского крестьянства, и такой же по форме семьей во второй половине XVIII - начале XIX в. были существенные различия. Во-первых, отличительной особенностью вторичной малой семьи по сравнению с первоначальной могло быть сокращение числа лиц, не имевших наследников, ибо у первых насельников не всегда был полный состав семей и не все из них имели возможность заводить детей. Во-вторых, вторичная малая семья была более многолюдной⁷. В целом по Сибири в течение XVIII в. средний размер крестьянской семьи уменьшился. Этот процесс в равной степени был присущ и округам Европейской России. Многосемейные дворы перестали быть массовым явлением. К концу XVIII в. малые двухпоколенные семьи составляли в рассматриваемом нами районе примерно 56% всего количества семей⁸.

⁶ Герасимова Л.Б. Указ. соч. С. 64.

⁷ Этнография русского крестьянства.. С.24

⁸ Липинская В.А. семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1985. С. 52.

Очевидно, что разница в поколенном составе семьи зависела от времени и источников заселения населенных пунктов. В первые десятилетия XIX в. ситуация с людностью крестьянской семьи изменилась мало. Произошел некоторый рост численности крестьянских семей. К

середине века размеры крестьянских семей продолжали расти и достигли довольно значительной величины. В этот период рост семей шел не столько за счет усложнения ее структурно-поколенного состава, сколько за счет увеличения числа детей⁹.

Рис. 2. Дети переселенцев в пути. 1904 г. Автор. Б. Смирнов.
Источник: Цифровая библиотека «Meeting of Frontiers / Встреча на границах» Библиотека конгресса США. <http://memory.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html>
Digital ID: mtfxph wsm0039

Увеличение людности семей в первой половине XIX в. происходило за счет увеличения рождаемости и уменьшения смертности детей. Это свидетельствует о том, что крестьяне освоились с местными природными условиями, встали на ноги, укрупнили хозяйство и, следовательно, выросла потребность в рабочих руках. Важно и то, что эти "руки" крестьяне могли прокормить. Людность семей выросла еще и потому, что снизились темпы дробления семей. Этот факт, видимо, можно связать с указом Сената от 30 марта 1823 г. "О воспрещении казенными крестьянами из больших делиться на малые". Указ же появился, поскольку правительство видело

⁹ Герасимова Л.Б. Указ. соч. С. 63.

главную причину дробления крестьянских хозяйств в желании избавить юношей из больших семей от рекрутской повинности.

В южной части Западной Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в. расселялось немало переселенцев из Европейской России и из соседних северных округов. Однако влияние миграций на изменение размеров семей в разных частях юга Западной Сибири было различным. Семьи Тарского округа в первых десятилетиях XIX в. по составу и количеству душ на одну семью были близки к семьям конца XVIII в. Во второй четверти XIX в. здесь происходило увеличение людности крестьянских семей. Исследователи писали, что преобладающими стали семьи, состоявшие из трех поколений, они составляли 48%, тогда как двухпоколенные занимали уже второе место и составляли 36% всего количества семей¹⁰.

В целом же развитие крестьянской семьи Омского Прииртышья шло примерно так же, как в более северных районах. Среди больших преобладали отцовские неразделенные семьи. Важно отметить, что даже большие семьи, как правило, не имели более 7-7,5 душ мужского пола. Неразделенная семья систематически регенерировалась на основе малой, но, не будучи неизменно существующей, в зависимости от местных обстоятельств через относительно короткое время распадалась. История неразделенных семей - отцовских и братских, как вторичных образований, свидетельствует об их подчиненности семье малой.

В конце XIX - начале XX в. преобладали семьи из двух, реже трех поколений прямых родственников. Семья из двух поколений - родителей и их детей, по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., составляла 51,8% от общего количества семей. Приблизительно

¹⁰ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья В Западной Сибири (XVIII -первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 38.

одинаковым было в это время количество одно- и трехпоколенных семей: 14,5% и 19,9% соответственно¹¹.

Рис. 3. Семья русских Западной Сибири. 1897г. Автор фото: И. С. Поляков.
Каталог изображений из иллюстративного фонда
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, учетный номер 106-2.
Источник: <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO>

Кроме того, исключительно важную роль в Сибири играли родственные отношения. Даже в третьем-пятом поколении потомки продолжали поддерживать тесные связи, помогать друг другу. Это обуславливалось традициями «помочей», совместного подъема пашни, общими праздниками. Родственники встречались в «съезжие праздники, на свадьбах, крестинах, «проводинах» в «рекруты», а впоследствии при призывах в армию и т.д. Как и в европейской части России, эти связи были кровные, по родству и кумовству. Для обозначения родственных связей использовались традиционные термины:

¹¹ Герасимова Л.Б. Указ. соч. С.64.

Термин	Категория родственных связей
Свекр и свекровь	Родители мужа, «большак» и «большуха» в доме
Тесть и теща	Родители жены
Сват, сватья	Родители супругов по отношению к друг другу
Сноха	Жена сына по отношению к свекру (для матери мужа, она—невестка).
Невестка	Жена сына для для его матери или по отношению ко всем родственникам мужа
Зять	Муж дочери, сестры, золовки
Свояки	Мужья сестер по отношению друг к другу
Своячницы, сношеницы	Жены братьев по отношению друг к другу
Деверь	Брат мужа.
Золовка	Сестра мужа
Шурин	Родной брат жены
Ятровь (ятровица)	Сестра жены
Кум и кума	Крестные отец и мать по отношению к родителям окрещенного и по отношению друг к другу
Крестник	Крестный сын
Побратим	Названный брат
Сродные братья	В Сибири: братья двоюродные, троюродные и т.д.
Сводные братья	Родные дети мужа и жены сведенные вместе при создании новой семьи
Единокровные братья	Родные сыновья одного отца и разных матерей
Единоутробные братья	Родные сыновья матери от разных отцов

Семья русского крестьянского населения Омского Прииртышья, как и Сибири вообще, имела много общего по форме, составу, структуре с крестьянской семьей Европейской России. Эта общность определялась традиционными представлениями о формах семейного строя и быта, основывавшихся, в свою очередь, на опыте хозяйствования крестьянского двора. В Омском Прииртышье, как и в Сибири в целом, развитие сельской семьи в рассмотренный период шло от образования малых семей к постепенному разрастанию и превращению их в неразделенные семьи, а затем к вторичному распространению малых семей.

Рис. 4 . Русские Западной Сибири. 1897г. Автор фото: И. С. Поляков.
Каталог изображений из иллюстративного фонда
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, учетный номер 106-3

Источник: <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO>

2. Представления русских Сибири о детстве и материнстве

Строгие законы, которые регламентировали семейно-брачное поведение, которое подчинялось церковным канонам и бытовым запретам, формировались и существовали в русских на протяжении многих веков. Одной из главных особенностей будничного поведения мужчин и женщин в русской деревне было их обособление друг от друга. Обособление мужчин и женщин в крестьянской среде, по мнению, Татьяны Александровны Бернштам, сохранялось вплоть до XIX в, когда еще можно было заметить «...архаическую семантику этого явления: такие как, представления о сакральной причастности полов к светлому и темному времени, рождению и смерти, детству и старости, к внутреннему и внешнему пространству, «низу» и «верху»»¹².

Для традиционной русской семьи были характерны отношения «доминирования - подчинения». Основная роль в этих отношениях принадлежала старшему мужчине в семье (мужу, отцу), который выступал в качестве главы семьи - большака, соответственно его жена называлась – большуха. В принятии основных решений, касающихся жизнедеятельности семьи, слово главы семьи было решающим. Он устанавливал порядок и руководил основными хозяйственными работами.

Рис. 5. Семья Малаховых. 1911 год. Алтай. Источник: Цифровая библиотека «Meeting of Frontiers / Встреча на границах» Библиотека конгресса США.
<http://memory.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html>
Digital ID: mtfxph ecw0016

¹² Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. М., 1988. С.24-30.

На женщине лежала ответственность за **микроклимат в семье**, поддержание в ней покоя и согласия. Широко распространено представление о покорном поведении и послушании жены своему мужу как главе семьи. Кроме того, такое же отношение к отцу она должна воспитать и в детях. Мать должна пресекать проявления насилия детей по отношению друг к другу, регулировать внутрисемейные конфликты, во многом от женщины зависела обстановка в семье (**“Весь мир в семье - от матери”**). Женщина должна по представлениям русских блокировать всякое проявление агрессии, насилия, конфликтного поведения¹³. Это до сих пор считается важным условием успешного осуществления материнского предназначения, а именно, рождения здорового ребенка. Татьяна Борисовна Щепанская приводит такой пример: «Матери нельзя было ругаться, надо быть добрым человеком. Чтоб женщина, особенно когда она носит ребенка, чтоб было доброе сердце, сама добрая». В противном случае, если ребенок заболевает или рождается уродом, ей припомнят давнюю ссору: “Ага, ты сказала дурное слово, вот и ребенок такой!» В “Этнографическом обозрении” за 1906 г. упомянут случай, произошедший в одном из сел Петербургской губернии. Болезнь новорожденного ребенка единодушно связывали с конфликтным поведением матери, которая и сама “сознавала за собою незамолимый грех, за который Бог послал ей наказание. Все в деревне приписывали это наказание матери за ее резкий характер, “острый язык”, сквернословие»¹⁴.

Материнство считается неотъемлемой и главной составляющей частью представления о «настоящей женщине» у русского населения Сибири (как, впрочем, и у абсолютного большинства народов). Это во многом определяет ориентацию и подготовку девочки к исполнению **главной роли в ее жизни – роли матери. Успешное материнство,**

¹³ Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления.(женские символы и техники власти в русской этнической традиции) // Астарт. Вып.2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. СПб., 1999. С.129.

¹⁴ Там же. С. 134.

атрибутами которого можно считать наличие большого числа здоровых детей, повышало статус и социальный престиж женщины в обществе. Со дня свадьбы и до рождения первенца женщину называли *молодухой*, после - *бабой*, если первым ребенком был мальчик, то статус бабы женщина приобретала после рождения второго ребенка. «Если она родит первого сына, она так *молодухой* и остается, а если девочку, то женщина... Если девочку родит, она старше становится, а мальчика, так *молодой* и остается». Также после рождения ребенка молодожены уже не могли принимать участие в молодежных увеселениях¹⁵.

Отцовство – это долг каждого мужчины перед людьми и Богом. Дети, прежде всего мальчики, рассматривались как залог бесконечности жизни, как продолжение фамилии и наследники дела отца. Мужчина, не имевший потомства, считался человеком, наказанным Богом за грехи, а рождение только девочек объяснялось порчей, насланной на семью.

Рис. 6. Екатерина Ивановна Михалева с детьми. 1900-е. Автор фото: Савельев. Учетный номер: КП-2056 Источник: Фотокаталог музея-заповедника «Кижы» <http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/photo/photo.htm>

Многодетность для крестьян считалась нормой. Это было немаловажно как в большесемейных коллективах, так и в малых семьях.

¹⁵ Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.) Тамбов, 2002. Доступ через: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov02.pushkar

Семья без детей считалась неполноценной, рождение здорового потомства являлось целью брака. Поэтому в брачном выборе большое значение придавали физическому здоровью, в первую очередь невесты. Смотрели «по породе», чтобы не было в семье наследственных заболеваний, калек, душевно больных. **«Румяная невеста - хороший брак»** бытовала поговорка среди русского населения Западной Сибири¹⁶.

С представлениями о поре, благоприятной для начала осуществления репродукции женщиной, были связаны воззрения об **оптимальном возрасте** для вступления в брак. У переселенцев это 16-20 лет, у старожилов 17-25 лет, для выходцев из северорусских и уральских губерний, климат которых способствовал более позднему половому созреванию девушек, характерен более поздний возрастной рубеж, чем для выходцев из южных и центральных районов России, из которых шел основной поток переселенцев. После 20 лет в среде переселенцев и 25 лет - у старожилов девушка, не вышедшая замуж получала статус «засиделой», «старой девы» или «перестарка», ее шансы на замужество сокращались¹⁷.

Большую роль в традиционных представлениях крестьян играло **православное учение** «о рождении детей как оправдании и очищении греховных интимных отношений супругов». С народной точки зрения, дети составляли Божье благословление, а бездетность или смерть ребенка считались Божьим наказанием за свои грехи. Отношение к деторождению как *божьему дару* нашло отражение в фольклорных сюжетах.

¹⁶ Пушкарева Н.Л. Указ соч.

¹⁷ Там же.

Символика материнства в народном сознании наделялась магическими свойствами, в первую очередь защиты и источника силы.

Поскольку женская фертильность представлялась божественным даром, изменение репродуктивного поведения у русских считалось страшным грехом. **Сирот** было принято брать на воспитание родственникам или односельчанам.

Рис. 7. Дед, бабушка и внук. 1900-е.
Автор фото: Савельев.
Учетный номер: КП-2079
Источник: Фотокаталог музея-заповедника «Кижы»
<http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/photo/photo.htm>

Это происходило в случае смерти обоих или одного из родителей, когда было тяжело в одиночку воспитывать ребенка. В основном брали на воспитание бездетные пары, но и супруги, уже имевшие детей, не оставляли сирот без помощи.

Что же касается контрацепции и искусственного прерывания беременности, то к ним относились как к большим грехам, за которые ждут мучения в аду. На религиозной морали была основана традиционная система регуляции зачатия, предписывавшая воздержание в постные дни, религиозные праздники, «когда стряпаешь» хлеб, «под воскресенье, под праздники», «месяц после родов», «перед церковью»¹⁸.

Блуд (добрачная связь) и прелюбодеяние, а также рождение добрачных и внебрачных детей считались большим грехом и строго наказывались как по церковной норме, так и согласно народной традиции. Внебрачные дети имели статус *незаконнорожденных, убогих*,

¹⁸ Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М, 2004. С. 65.

неполноценных. В Сибири таких детей называли «половинкин сын», это объясняется в первую очередь неполнотой родственных связей, так как один родитель и по понятным причинам чаще всего отец неизвестен, он выпадает из жизненной цепочки, является чужеродным ей. Их рождение в сельской среде являлось редкостью и считалось ненормальным. Репутация такого ребенка, его матери и их семьи была загублена навсегда. «Если женщина родила вне брака, то даже ее внучка считалась плохой невестой»¹⁹. Считалось, что у девушки, родившей ребенка до брака, было мало шансов выйти замуж. Она могла выйти замуж только за *неполноценного* мужчину, вдовца, инвалида.

Неоднозначное отношение было и к появлению **двойни**. С одной стороны - это Божья кара за грехи. В случае рождения двойни скрывали от посторонних обряд крещения. Согласно мифологическим представлениям у двоен одна судьба на двоих, поэтому верили, что они долго не живут, или один из них отбирал долю другого, и он обязательно будет бесплоден. В Сибири считали, что кто раньше из двойни родиться, тот и раньше умрет. С другой стороны, мотив удвоения послужил основанием для идеи плодovitости, связанной как с родителями, так и с самими детьми, то есть двойни обязательно родят двоен. В Сибири считалось, что в тот дом, где родилась двойня, придет богатство²⁰.

Отношение к деторождению как к важному явлению подтверждает и существование у русских восточнославянского традиционного «кодекса» поведения роженицы, призванного уберечь ее от действий, способных навредить ребенку. Вместе с тем деторождение **являлось частью повседневности**. Забеременев, женщина продолжала выполнять свои хозяйственные обязанности, которые также считались жизненно необходимыми. Если в семье хватало рабочих рук, то её освобождали от тяжелых физических работ. Обычно это зависело от состава семьи и

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Баранов Д. Двойни // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 48-50.

царивших там отношений. В большой семье, где женскую работу могли перераспределить, это случалось чаще, чем в малой семье, где заменить женщину в хозяйственных работах было некому²¹.

Высокая детская смертность придавала чадородию большое социальное значение. Владимир Александрович Зверев считает, что тяжелые условия жизни, способствовавшие эпидемиям в Сибири. Смертность от эпидемий в южных районах Сибири, была выражена сильнее, чем в северной части. В целом, уровень детской смертности зависел от этнографической принадлежности населения и от его материального состояния²².

Таким образом, деторождение в традиционных представлениях русских Сибири являлось Богом данным предназначением женщины, обладавшим большой социальной значимостью. На этом строились традиционные система регуляции деторождения, отношение к контрацепции и абортам. Важность деторождения для общества отразилась в обильной символике плодородия и продуцирующей магии.

²¹ Коляскина Е.А. Дающая жизнь: традиционные представления русских крестьян Алтая о женском плодородии и деторождении // // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2008. Дек. (№ 317). С. 105.

²² Зверев В.А. Материалы санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX-XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН. НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 132.

3. Родильная обрядность

В большинстве культур родильно-крестильный комплекс обрядов занимает особое место. Его можно включить как одну из составляющих частей в представления народной традиционной картины мира. Этой проблеме уделяли пристальное внимание как ученые, изучающие семейный быт, так и сами носители культуры.

Ситуация родов - это переломный момент в жизни каждого человека, в результате которого изменяется его статус. Кроме того, процесс беременности и родов связан с пограничным состоянием, представлениями об опасности для человека. Именно в этом комплексе обрядов сосредотачиваются мифологические представления, информацию о которых получить из другого источника зачастую невозможно²³.

В историографии большинство ученых, исследующих родины, выделяют **три периода** в комплексе родильной обрядности: дородовый, родовой и послеродовый.

Дородовый период играл значительную роль в этом цикле. Он был направлен на обеспечение скорого зачатия ребенка, легких и благополучных родов и рождение здорового ребенка.

Родовой период включает в себя непосредственно ситуацию родов. Основным содержанием **послеродового периода** было очищение матери и ребенка, а также поддержание здоровья в начальный период жизни малыша и включение его в сообщество.

Если физиологические процессы, связанные с деторождением, едины для человечества, то создаваемая веками практика родовспоможения, уход за матерью и ребенком имеют этническую (а часто и социально-этническую) специфику и включают в себя как рациональные религиозно-магические акты, которые обусловлены как объективной необходимостью

²³ Коляскина Е.А. Указ соч. С. 106.

приспособления и выживания в определенной среде обитания и религиозными воззрениями данного общества.

К сожалению, мы располагаем слишком скудными и разрозненными сведениями об обрядовой и практической деятельности (в интересующей нас сфере жизни) жителей средневековой России, особенно ее низших слоев, что не позволяет воссоздать цельную картину традиционной культуры материнства и детства в отдаленном прошлом²⁴.

Лишь со второй половины XIX в. начинается систематический сбор сведений о духовной культуре русских. Специальные анкеты, рассылаемые Русским Географическим обществом и Этнографическим бюро князя **Вячеслава Николаевича Тенишева** содержали вопросы, касающиеся разных сторон жизни русского народа, прежде всего крестьянства, весь уклад жизни которого способствовал сохранению национальных традиций.

Рис. 8. Портрет князя В.Н. Тенешева.
Художник: Леон Бонн.
Государственный Эрмитаж.

В то же время проблемы материнства и детства начинают интересовать краеведов и ученых-этнографов, появляются подробные описания обычаев и обрядов, существовавших в разных губерниях России, многие из них содержат и теоретические обобщения. Религиозно-нравственные и религиозно-обрядовые аспекты данной проблемы, как и в целом религиозное состояние общества, волновали церковнослужителей и вплоть до 1917 г. освещались в церковной печати.

Таким образом, был накоплен и осмыслен огромный материал, что позволило составить представление о свойственной русскому народу

²⁴ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 484.

культуре материнства и детства и сделать ряд выводов относительно содержания и генезиса **составляющих ее элементов**.

1. Совершенно очевидно, что многие элементы возникли в древнее время, возможно еще до введения христианства на Руси, и в разной степени испытали влияние новой религии.

2. Ряд обрядовых действий и соответствующих представлений возникли на основе укрепившегося христианского мировоззрения, но носили неканонический характер, являясь плодом народного религиозного воображения, т.н. народного православия.

3. Совершение канонических христианских обрядов и соблюдение мирянами религиозных предписаний относительно их поведения в религиозно-обрядовой и религиозно-бытовой жизни за десять веков существования христианства обрели этническую и региональную специфику²⁵.

Безусловно, обрядово-магическая деятельность сочеталась с рациональными действиями, основанными на народном практическом опыте и медицинских знаниях, передаваемых устно из поколения в поколение.

Дородовый период

Если приглядеться к совокупности русских народных традиций, обрядов и ритуалов, связанных с рождением и воспитанием детей, можно сделать вывод о том, что **внешнее педагогическое воздействие ребенок мог испытывать еще до рождения**. Забота о будущем ребенке начиналась уже с момента вступления в брак молодых людей. В обрядах и обычаях **свадебного цикла** у русских, как и других народов, присутствовали элементы, имеющие репродуктивный характер, направленные на обеспечение многочисленного и здорового потомства. Речевые и невербальные практики, которыми проникнут свадебный обряд, должны были наделить новобрачных способностью к *обильному* деторождению.

²⁵ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 485.

Крестьяне осыпали новобрачных зерном, казаки применяли также хмель и мак. Зерно и хмель обладают **семантикой плодородия** и рождения жизни. Свадебное дерево являлось символом священного родового дерева, одного из центральных мотивов свадебного фольклора²⁶. По народному поверью, магический характер имело и родительское благословление. Во время ритуала, как у старожилов, так и у переселенцев, новобрачные становились на вывернутый овечий тулуп - магическое средство обеспечения плодородия женщины у различных народов. Во время свадьбы произносились многочисленные пожелания молодым: «Сколько пеньков - столько сынков, сколько кочек - столько вам дочек», «Полные сени деток». Для свадебного обряда характерно широкое употребление эротического фольклора, который по мнению русских также обладали продуцирующим характером²⁷.

Символикой плодородия наделялась и **пища**. Обязательными блюдами на свадебном пиру считались «курник» (пирог с домашней птицей) и блюда из свинины. Свинья и курица, в представлениях русских крестьян, являлись очень плодовитыми животными.

Существовали особые требования к выбору места и времени первой брачной ночи и самой свадьбы. Обычно постель стелила свекровь или мать невесты, т.е. женщина успешная в материнстве. Таким образом, успех в деторождении от этих женщин должен был передаваться новобрачной. В этом можно проследить элементы контагиозной («заразительной»), по классификации **Джеймса Фрэйзера**, магии – люди, прибегающие к подобным действиям, верят, что субъект, в нашем случае – многодетная («плодовитая») женщина, передаст это качество объекту – невесте.

Также стоит упомянуть о таких актах свадебного ритуала, бытовавших у русских Сибири, как купание невесты накануне свадьбы в бане, чтобы «войти в новую жизнь чистой». **Вода** выполняет в этих

²⁶ Пушкарева Н.Л. Указ соч.

²⁷ Там же.

обрядов две функции - очистительную и продуцирующую, как элемент, без которого жизнь невозможна²⁸.

Женское тело ассоциировалось с сосудом, что характерно для всех восточных славян. Отсюда обычай, распространенный у всех этнокультурных групп русских Сибири, бить стакан или горшок на свадьбе после первой брачной ночи. У старообрядцев родителям «честной» невесты наливали вино из бутылки, наряженной в бордовое платье.

Народная традиция предписывала невесте ожидать прежде всего **рождения мальчиков** и считать появление на свет сына более предпочтительным, чем рождение дочери. Причины такого предпочтения в крестьянской народной культуре объяснялись экономически: мальчик, вырастит, женится, приведет в дом невестку, которая пополнит число рабочих рук в крестьянской семье.

Рождение девочки означало, что ее в будущем придется выдать замуж, отдать ее рабочие руки в другую семью, обеспечив еще и при этом приданым. Отсюда и русские поговорки: «Дочка – чужая скотинка», «Дочь – чужое сокровище», «Дочь – работница для чужого поля, ключница чужому отцу, ларечница чужой матери», «Дочка – отрезанный ломоть»²⁹.

Рис. 9. Дети. 1958 г.
Каталог изображений
из иллюстративного фонда
Музея антропологии и
этнографии
им. Петра Великого РАН,
учетный номер 1753-405
Источник:
[http://www.kunstkamera.ru/
kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO](http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO)

²⁸ Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1998. - С. 85.

²⁹ Пушкарева Н.Л. Указ соч.

Немалую роль в отведении мальчикам первого и главного места в жизни сыграла и православная ориентация русской культуры.

Рис. 10. Мать с сыном. Первая четверть XX в. Алтай.

Каталог изображений
из иллюстративного фонда
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН,
учетный номер 4127-23

Источник: <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO>

Со времен крещения Руси русская традиция последовательно впитывала общехристианское учение о нечистоте женщины, отношение к ней как к «сосуду греховному», виновнице изгнания первых людей из рая. Типичность желания обзавестись ребенком мужского пола **породила массу поверий**, который косвенно поддерживали жизнь мальчиков, например поверье о необходимости есть особую пищу (чтобы родился мальчик – надо есть больше «мужской», мясной, соленой и перченой пищи, а если пить в основном травяные чаи, есть овощи и поститься – полагали тогда, мальчика не сотворить, родится девочка). Будущих младенцев мужского пола, таким образом, изначально «поддерживали» белковой пищей, которая укрепляла организм малыша (в случае болезни он оказывался заранее подготовленным к сопротивлению), а девочки оказывались в менее благоприятном положении. Однако при всей предпочтительности по отношению к мальчикам в русской традиционной семейной культуре, в ней, в отличие от Западной Европы, мало примеров того, что от девочек старались каким-либо способом избавляться.

Отголоски подобной практики в Европе можно найти в сказках, где маленьких девочек бедные родители (которые не в силах прокормить лишний рот) отводят в лес «на съеденье диким зверям»³⁰.

Желание узнать **пол ребенка** задолго до его рождения приводили к ряду примет и суеверий. Так, например, после венчания в конце дня, происходит обряд «окручивания молодухи». Две свахи разделяют волосы молодой на две пряди и начинают плести косы. Если раньше заплетает косу мать жениха, то первым ребенок у молодой будет мальчик, а если мать невесты, то девочка. Тогда свахи, а чаще дружка объявляют во всеуслышание «На первую ночь даст Бог сыночка» или «На первую ночь пошлет Бог дочку»³¹.

Рис. 10. Невеста и дружка.
1926 год. Алтай.
Автор. Наталья Нагорская.
<http://memory.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html>
Digital ID: mtfxph wng0014

Следующий этап дородового периода - **беременность**. Появления первых признаков беременности ждали с нетерпением, когда это случалось, молодая подвергается ряду наблюдений и опытов. Например, рассматривают форму живота: если живот «вострит» будет мальчик, а если «тупой», «круглый», то девочка. Если лицо у беременной худое,

³⁰ Пушкарева Н.Л. Указ соч.

³¹ Красноженова М.В. Ребенок в крестьянском быту: Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX - первой трети XX вв. Новосибирск, 1998. С. 11.

осунувшееся, то это к мальчику, а полное и цветущее - к девочке. Простят женщину протянуть вперед две руки. Если она их протягивает вверх ладонями, родится девочка, вниз ладонями - мальчик. Садилы молодую женщину на пол, ноги «под себя» – потом предлагали встать. Если при вставании она оперлась правой рукой об пол, то первый будет мальчик, а левой - девочка. Одним словом, все такие гадания и опыты над молодой матерью подтверждали небезразличное отношение к будущему поколению.

С этим периодом связаны и представления о **появлении души у ребенка**. Существует много противоречивых версий, о времени появления души, но все они объединены одной общей чертой, а именно представлением о том, что душа возникает извне, причем ей отводится пассивная роль, т.е. появляется она не сама, а ее приносят, вкладывают, сажают. В качестве подателя души выступает Бог или ангел «Ангел приносящий душу, пишет в книгу его судьбу и кончину».

В целом в народной антропологии могут быть отмечены **три версии** появления души: 1) в момент зачатия, 2) в середине беременности («живая половина» с тех пор как ребенок начинает шевелиться в утробе, после этого рубежа супругам запрещалось вступать в интимную связь, 3) при рождении «ее ангел вдыхает при первом крике младенца». Принятие той или иной версии, зависит от того какие свойства душе приписывают и считают основными. Там где, речь идет о появлении души во время зачатия, важнейшим становится мотив **дыхания** – духа. Душа здесь напрямую связаны с дыханием и ветром, например, в ярославской губернии существовало представление, что если не дышать, то и ребенок зачат не будет. В этой связи выражение «надуло ветром» как обозначение беременности может пониматься буквально, как свидетельство того, что ангел своим дыханием вкладывает душу младенца, да и самого младенца в тело женщины. В сказочных сюжетах ветер иногда выступает причиной зачатия ребенка.

Другим атрибутом души, является **движение**, и оно становится важнейшим признаком той версии, когда душа появляется в середине беременности. "Как шевелиться будет, тожно и душа вложится от Господа Бога" (Сибирь). С этого времени про беременную говорили, что она "о двух душах". Считалось, что первое движение младенца в некоторых случаях становится "судьбоносным": "Если в первый раз почувствует шевеление в утробе во время кормления скотины... будет ему [младенцу] удача в скотоводстве; когда стоит на реке, то ребенок будет хорошим рыболовом; если на базаре - торговцем". Повсеместно бытовало поверье, что кого беременная первым увидит после движения плода, на того будет похож ее ребенок. Представления о глубинной связи души и движения находят поддержку в области языковых фактов, точнее - в клишированных выражениях: "душа трепещет, волнуется, ходуном ходит" и т. д.

Наконец, в третьей версии, согласно которой душа появляется после родов, вновь актуальным становится мотив **дыхания**. Эта версия наиболее близка христианской концепции, в ней утверждается, что душа человека сотворена Богом тем способом, который называется дуновением Божиим. Так, в некоторых регионах считали, что "только во время крещения Бог дает младенцу душу - когда священник на него дует". Дуновение (вдыхание) как средство оживления новорожденного широко известно в народной медицине. Если ребенок рождался слабым, то повитуха дула в уши, темя, рот, нос. В Сибири новорожденному дули в темя, потом в правое, а затем в левое ухо. Возможно, эти представления связаны с "витальной" (жизненной) семантикой ушей и темени. Известны достаточно многочисленные случаи фиксации поверий, согласно которым Святая Дева Мария родила Спасителя через темя или ухо, к этому же следует добавить широко распространенные объяснения для детей, что "они появились из уха матери". Помимо этого темя отдаленно связано с дыханием, о чем свидетельствует обозначение несросшегося темени у ребенка словом "дыхлинка".

Исключительно в третьей версии становится значимым еще одно проявление души - это смех младенца. Так, в Калужской губ. считали, что "если новорожденный начинает смеяться, это означает, что в нем родился младенческий дух... Младенческий дух зовется "жиренький". Чужому ребенка не показывают, так как "жиренький" этого не любит". Смех ребенка связан с ангелами, которые принесли ему душу (ср., например, широко распространенное у русских представление о том, что когда ребенок смеется во сне, то это означает, что его "ангелы тешат"). В целом представления о зарождении души весьма разнообразны но, в них обнаруживается значительное влияние христианской концепции души, согласно которой душа творится вместе с телом³².

Каких - либо особенных приготовлений к появлению ребенка не было, но все же первородящей указывают, что нужно приготовить заранее. Ей советуют: «Ты старые рубахи не рви на тряпье, сгодятся тебе пошить пеленок на первое время». Считалось, что чрезмерное приготовление, может привести к преждевременным родам. Мать могла вышить крестильную простынку, довольно часто она переходила от старшего ребенка к младшему³³.

Поведение женщины в период беременности регламентировалось и суеверным убеждением в том, что определенные ее поступки могут так или иначе отразиться на здоровье и характере зачатого ребенка. Ограничения, возлагаемые на беременную, охватывали как религиозную, так и бытовую сферы жизнедеятельности, при этом они носили как рациональный, так и иррациональный характер. Беременную женщину старались беречь, не посылать ее на тяжелые работы. Большинство обычаев этого периода – запреты, которые необходимо было соблюдать женщине во избежание негативных последствий. **Запреты**, в большинстве своем, представляют собой короткие высказывания, строящиеся по

³² Баранов Д. Появление души у ребенка // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 297-300.

³³ Красноженова М.В. Указ. соч. С. 15.

лексической модели: «если..., то», т.е. включают непосредственно запрет, указание, примету и его результат, последствия нарушения. Тем самым матери указываются условия будущей благополучной жизни ребенка. Большинство запретов основаны, главным образом, на магии подобия. Нельзя было сидеть на камне - роды будут тяжелые, шагать через веревку - ребенок в пуповине запутается, шагать через коромысло - ребенок будет горбатым, толкать кошек и собак - у новорожденного будет "собачья старость", щетинка на коже и т.д. Она не должна была целовать покойника, прощаясь с ним, и даже провожать гроб до кладбища³⁴.

Не меньшую опасность для нормального течения беременности представляла также возможность **порчи и похищения** или подмены еще не родившегося ребенка нечистой силой. Выкидыши объясняли как порчей будущей матери, так и ее каким-либо греховным проступком. Поэтому на всем протяжении беременности она должна была особенно усердно прибегать к средствам христианской защиты: регулярно креститься, читать молитвы, причащаться (желательно не один раз). Кроме обычных канонических молитв, которые помогали во всех случаях жизни, существовали и особые молитвы. Ни в коем случае беременная женщина не должна была работать в большие религиозные праздники: запрет этот касался всех, но будущие матери особенно строго выполняли церковное установление, поскольку верили, что совершенный ими грех пагубно отразится на ребенке³⁵.

Время внутриутробной жизни сопряжено с риском развития физических недостатков, и даже со смертью. Тем самым, любой запрет имел конструктивный характер, а женщина в период беременности превращалась в своеобразный макет своего будущего ребенка. Большинство ее действий, по народным представлениям, продуцировались на ребенка – его физическое развитие, здоровье, красоту, и на судьбу в

³⁴ Красноженова М.В. Указ. соч. С. 17.

³⁵ Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 64.

целом. Время, в котором живет беременная женщина и ее ребенок, не настоящее, а, скорее, будущее, так все ее поступки моделируют будущее малыша. Кроме иррационального смысла, во многих запретах присутствовала прагматическая составляющая, в первую очередь, это желание предохранить женщину от испуга, психологического расстройства, какой-либо иной травмы. Аналогичные запреты существовали у большинства народов Среднего Прииртышья.

Даже для женщин рожавших не один раз роды были опасны и к ним следовало определенным образом подготовиться. Физиологическая, т.е. материальная природа родов была очевидна для деревенских жителей. Однако рождение человека, по их мнению, имело и мистическое содержание. По убеждению верующих вся жизнь человека - постоянное противоборство "чистых" и "бесовских" сил за его душу, начинающееся с первого его вдоха на Земле и даже в утробе матери. Особенно опасным казался сам момент появления на свет, так как кроме ангела, присутствующего при родах и помогающего матери и ребенку, одновременно "злой дух" и тяжелые роды часто объясняли "шалостями сатаны". Поэтому для обеспечения нормального протекания родов и сохранения жизни и своей, и ребенка необходимо было прибегать к различным средствам христианской защиты.

В последние сроки беременности, желательно перед самыми родами, женщине необходимо было **покаяться и причаститься**. Прежде всего, это исключало страшную опасность умереть скоропостижно без принятия этих таинств. Ни одна роженица не считала себя застрахованной от такой смерти. Кроме того, одной из возможных причин затянувшихся родов считали нарушение женщиной, а иногда и ее мужем, норм религиозно-нравственной жизни. Причащение же очищало женщину, "снимая" и невольные грехи. И, наконец, оно оказывало благотворное психологическое воздействие, давая столь необходимую во время родовых мучений уверенность в помощи святых. Религиозное покаяние

дополнялось и испрашиванием прощения у всех домочадцев и даже соседей - "за все чем обидела и в чем нагрубила", на что все отвечали "Бог простит и мы туда же". Чье-то недоброжелательство, раздражение могло в этот опасный момент привести к осложнениям: считали, что "родильница мучается, если есть злой человек в избе"³⁶.

В этот период важным было подготовить старших детей к появлению еще одно члена их сообщества и приемлемое для детского восприятия. Абсолютное большинство объяснений содержит мотив «внешнего» происхождения детей, их случайной находки. Сами же роды в мифопоэтическом творчестве русских часто описываются как поездка матери за ребенком. В качестве места «находки» могут выступать как дикие локусы, такие как лес, поле, болото, так и «окультуренные» - огород, колодец, конюшня, подпол. Многие формулы объяснений указывают на связь детей с растениями. Повсеместно говорили, что детей находят в капусте, крапиве, на грядке.

Иногда появляется персонаж приносящий младенца – **аист, ворона**. В различных мифопоэтических традициях птицы могут быть божествами, демиургами, героями, превращенными людьми т.п. Они выступают как символы верха, неба, ветра, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия. Птица часто выступает как помощник бога. Почитание аиста славянами объясняется его тотемическим происхождением. Представление о том, что аист приносит детей, наиболее распространено у западных славян, хотя у восточных встречается тоже довольно часто. Достаточно популярен мотив божественного происхождения ребенка. «Бог скинул с неба», «Ангел принес»³⁷.

³⁶ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 491.

³⁷ Баранов Д. Объяснение происхождения детей // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 234-236.

Родовой период

Начавшиеся роды тщательно **скрывали**. Многие полагали, что и случайное знание о происходящем затрудняет течение родов. Говорили так: "сколько человек знает о родах, столько будет потуг". Особенно неблагоприятно на течение родов сказывалось знание о них молодых девушек и старых дев.

Среди многочисленных магических средств, способствующих **нормальному процессу родов**, основное место занимали действия, совершавшиеся по принципу подражательной магии. Считая, что "всякая замкнутость мешает быстроте родов", развязывали все узелки не только на одежде роженицы, но и у всех домочадцев; распускали роженице волосы, раскрывали все двери, ворота, печные заслонки, шкафы, сундуки. В критических ситуациях обращались к священнику с просьбой раскрыть "царские врата" в церкви (главные врата иконостаса, ведут в алтарную часть храма и символизируют собой врата Рая.). На подражательной магии основаны такие действия роженицы как проползание под столом, между ног мужа, под дугой, имитирующие рождение. Магия действия усиливалась и словесными приговорами. Так, например, роженицу поили водой, которой обмывали куриное яйцо, приговаривая при этом: "Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба Божья (имя) скоро разрешилась"³⁸.

Большой интерес представляют и известные в родовспомогательной практике русских обряды, связанные с верой в то, что присутствие мужа или его определенные действия во время родов облегчают страдания жены и ускоряют роды. Эти действия генетически связано с древним обычаем **кувады** (обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребенка). По убеждению крестьян, муки жены могли переходить на него и в результате специальных приговоров знахарок или заблаговременных

³⁸ Красноженова М.В. Указ. соч. С. 19.

действий жены. С тем же обычаем связано и встречающееся у русских, во время родов надевать на мужа юбку роженицы, повязывать ему голову платком жены или заставлять дуть в бутылку (этот прием обычно применялся для вызывания потуг у роженицы). Считалось также, что прикосновение мужа или использование его вещей оказывает роженице помощь³⁹.

Роды чаще происходили вне жилого помещения, по наиболее распространенной традиции - **в бане**. Это оправдано и с точки зрения народной медицины, так как горячий воздух обладал и определенным антисептическим действием, что создавало благоприятные условия для выживания младенца. Особенно строго следили за этим в среде старообрядцев. Во время схваток рожениц часто водили до тех пор, пока не показывалась головка ребенка⁴⁰.

Успешное прохождение родов во многом зависело от умения повивальной бабки. Деревенская повитуха занималась не только принятием родов, она выполняла и первые послеродовые процедуры над ребенком и роженицей, сопровождая их необходимыми магическими действиями. Это были: обрезание пуповины, действия с последом, купание ребенка и роженицы.

Одна из основных задач **повивальной бабки** - защита матери и ребенка от нечистой силы. Для этого они широко пользовались христианской атрибутикой охранительного характера - ладаном, святой водой. Свою заботу о роженице повитуха начинала с того, что зажигала перед иконами лампаду и свечи. Это считалось столь обязательным, что при болезненности младенца подозревали, что "он, верно, родился без огня". И, конечно, зажигали специально сбереженную венчальную свечку,

³⁹ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 495-496.

⁴⁰ Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994-1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 94.

которая, по поверию, не только способствовала облегчению страданий, но, "смотря по степени веры в ее целительную силу", избавляла от смерти труднорожающую. Вслед за тем повитуха начинала молиться, одновременно молились и муж, и все домочадцы, в трудных случаях муж обходил с иконой вокруг дома. Заговоры повитух обычно включали обращение к различным святым и Богородице⁴¹.

По наиболее распространенной у русских традиции повитуха жила или находилась большую часть времени у роженицы в течение трех дней. Основной ее обязанностью в то время было купание матери и ребенка, а также надзор за тем, чтобы их никто не испортил. Кроме того, в случае необходимости она оказывала и практическую помощь: могла подмести пол, подоить корову, приготовить обед, что давало возможность роженице отдохнуть после родов.

В отношениях крестьян к повивальным бабкам большую роль играла вера в магическую связь между ними и принятыми ими детьми. Это определяло выбор повитухи, личные качества которой, поведение, возраст должны были соответствовать определенным требованиям. Повитухой могла быть только пожилая женщина, безупречного поведения, т.е. "не замеченная в неверности мужу". Профессиональному искусству повитухи была свойственна определенная этика: все свои знания она должна была направлять на сохранение жизни ребенка. Одно лишь подозрение в том, что она тайно занимается абортами, т.е. совершает страшный грех, могло лишить ее практики. Избегали приглашать и таких повитух, у которых свои, а тем более повитые дети, умирали: их нежизнеспособность свидетельствовала не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и о том, что у нее "тяжелая рука"⁴².

⁴¹ Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е гг. XX в) // Русские: семейный и общественный быт. М, 1989. С. 148.

⁴² Там же. С. 145.

Если ребенок сразу после рождения не плакал, его встряхивали за ножки, а после бабушка должна была вымыть и «переладить» младенца. При этом она поглаживала ручки, ножки, правила ему головку, чтобы она была ровной.

Недоношенных детей парили в птичьем пуху - в коробку насыпали пух, ставили на печь и там новорожденный должен находиться «до срока» (рождения). У старожиллов даже существует термин - «выпарок», по отношению к таким детям. Данный способ ухода за новорожденным создал одно важное условия для поддержания жизни недоношенного ребенка, а именно создавал температуру близкую к температуре человеческого тела⁴³.

Если ребенок рождался больным, то с ним совершали обряд «перепекания». Ребенка клали на хлебную лопату и трижды помещали в печь. Символическое значение этого обряда – возвращение ребенка в материнское чрево, а затем новое его рождение. А если дети в семье, рождались, но быстро умирали, существовал обычай «продажи». Первого попавшего прохожего зазывали в дом, он отдавал символическую сумму и выносил ребенка через двери, а затем отдавал матери через окно, тем самым обманывая злых духов.

Когда ребенок родиться основное внимание повивальной бабки было сосредоточено на нем. Она перевязывала пуповину на один вершок и на два вершка после перевязи отрезала, после этого приступала к купанию новорожденного, в теплой воде с добавлением ромашки или соли, иногда после купания младенца натирали маслом, чтобы кожица не потрескалась. Затем его пеленали – повивали, свивали.

⁴³ Листова Т.А. Указ. соч. С.

Пеленали очень плотно, «чтобы спал спокойно», «чтобы ручки и ножки ровненькими были». Существовал комплекс из свивальника или пеленишника, который представлял собой длинную и узкую полосу ткани, которой свивают ребенка, поверх пеленок.

Рис. 12. Свивальники.
Фото из коллекции Ю. М. Первова.
Источник:
<http://uglichvernisa.gov.narod.ru/Sthastie.htm>

Рис. 13. Способ пеленания ребенка.
Источник: Фестиваль педагогических
идей. «Открытый урок»
[http://festival.1september.ru/files/
articles/21/2146/214694/img6.JPG](http://festival.1september.ru/files/articles/21/2146/214694/img6.JPG)

Пеленки делали из старой рубахи отца для мальчика и матери – для девочки, в некоторых местностях существовал строгий запрет что-либо шить для ребенка из нового полотна. Старое полотно мягче нового и не травмировало нежную кожу ребенка. После этого ребенка укладывали в колыбель (люльку, зыбку).

Рис. 14. Женщина у колыбели.
Учетный номер: КП-1009
Источник: Фотокаталог музея-заповедника «Кижи»
<http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/photo/photo.htm>

Важное семантическое значение в традиционной обрядности имел и «послед», «детское место», повитуха его собирала, заворачивала в чистую ткань и закапывала где-нибудь в укромном уголке огорода. Захоронение детского места иллюстрирует, по словам Н.Е. Мазаловой, «такую важнейшую функцию родильных обрядов, как обмен ценностями с землей - природной сферой, откуда был получен ребенок», и «необходимо для того, - как отмечает А.К. Байбурин, - чтобы обеспечить новое рождение, сохранить отношения непрерывного обмена между предками и потомками, не людьми и людьми, жизнью и смертью»⁴⁴.

Как успокоительное средство после родов повитуха давала роженице отвары воренца, чаги или немного вина.

⁴⁴ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. (Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов). СПб, 1993. С. 39

Послеродовый период

Встают женщины после родов с постели на третий или четвертый день, как уже было упомянуто все это время повитуха находится в доме. Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлениям крестьянства, обязательного последующего очищения. На большей части расселения русских, в том числе и в Сибири это достигалось при помощи обряда **"размывания рук"**, **совершавшегося**, по наиболее распространенной традиции, на третий день после родов. Суть обряда такова: водой, в которую часто добавляли различные, имеющие определенную смысловую нагрузку предметы (крест, монеты). Сначала бабка поливает на руки водой матери, которая три раза намыливает руки новым куском и смывает их, а затем наоборот. Мать и бабка взаимно просили прощения и одновременно вытирали руки новым полотенцем, которое потом забирала повитуха. Исполнение этого обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать следующего ребенка. Многие религиозные крестьяне считали, что обычай этот существует с евангельских времен: сама Божья Мать также "размывала руки" с бабушкой Соломониной⁴⁵.

Повивание детей можно рассматривать как профессиональное ремесло. За свой труд повитуха получала вознаграждение, обязательность которого гарантировалась этическими нормами деревни. Обычно женщины становились повитухами добровольно, начав, она не могла отказаться от помощи роженице. Оплата труда повитухи складывалась из индивидуального вознаграждения, получаемого от роженицы (в него обычно входили предметы, символизировавшие очищение - мыло, полотенце, а также хлеб, со второй половины XIX в. - небольшая сумма денег), и коллективного, собираемого на крестинах вознаграждения.

⁴⁵ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 506.

В русском календаре был один день, в который чествовали повивальных бабок – так называемые "бабины" или "бабьи каши". Он приходился на второй день после Рождества Христова (8 января), называемый церковью "Собор Пресвятой Богородицы". Проходившая в этот день церковная служба "Помощь в родах". Именно поэтому в центре внимания было лицо, помогавшее при родах - повивальная бабка. В гости к ней приходили женщины, у которых она "бабила" в разное время и также приносили угощение, в которое обязательно входила каша. В конце обеда бабка, как и на крестинах, выносила свою кашу, и гости, прежде чем начать ее есть, клали деньги на стол для хозяйки дома.

На третий – четвертый день после родов к молодой матери приходили женщины с гостинцами. Этот обычай, известный под названием **проведок**, **отведок**, **ходить на кашу**, **нести на зубок**, существовал у русских повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье. Каждая из женщин приносила с собой еду. Для такого случая готовили праздничные кушанья или же будничные, но лучшего качества. Принесенное угощение было столь обильным, что позволяло находящейся в изоляции и не оправившейся еще после родов женщине не беспокоиться о домочадцах и хотя бы несколько дней отдохнуть от хлопот по дому.

Проведывать приходили только замужние женщины, обычно по возрасту близкие роженице. Такие посещения могли быть коллективными, когда родственницы и соседки договаривались между собой и приходили все вместе, но чаще по очереди. Хозяев, как правило, не извещали о приходе, да в этом не было необходимости, так как обычай этот был строго обязателен, не прийти навестить роженицу у крестьян считалось "зазорным". Столь же обязательным считался и ответный визит роженицы

к посетившей ее женщине в положенное для этого время. Пришедших женщин хозяева либо совсем не угощали, либо давали вино и чай.

Обычай носить родившей женщине угощение - один из наиболее стойких обычаев русской деревенской жизни. Правда, в советский период, особенно в послевоенные годы, характер его несколько изменился. Посещения откладываются до возвращения матери с ребенком из роддома, пришедшие навестить приносят не только еду, но и небольшие подарки для малыша. Основное же одаривание его приурочивается к семейному торжеству по случаю рождения ребенка, которое в последнее время все чаще откладывается до обряда крещения⁴⁶.

Крещение старались провести в течении последующих двух-трех недель. До проведения обряда выбирались крестные (в Западной Сибири их часто называют Лелями, и кум и кума по отношению к друг другу и родителям ребенка). Кум должен купить крест и заплатить за крещение, а кума должна сшить крестильную рубашку и поясок к ней. На крещении присутствовали близкие родственники, друзья, обязательно повитуха.

Важной частью обрядового комплекса крещения является **имянаречение** ребенка. Имени придавалось большое значение, так как по народным представлениям, имя было тесно связано с судьбой человека, в известном смысле предопределяло ее. Имянаречение соединяло в себе необходимость продолжения рода, культ крестных, почитание христианских святых и церковных календарных праздников. В некоторых местах до обряда крещения ребенку давали временное имя, которое иногда превращалось во внутрисемейное имя и существовало параллельно с крестильным именем.

Официальным именем ребенка наделяли крестные, советуясь со священником. Выбирали его чаще всего по святам.

Если ребенок рождался слабым, повитуха сразу же после рождения могла его окрестить и дать ему имя, по истечении времени могло

⁴⁶ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 509.

совершиться официальное крещение, во время которого священник редко изменял уже данное имя.

Кроме того существовали запреты, например, нельзя было называть ребенка именем живущего родственника, по поверью это приводит к смерти одного из тесок. Нельзя называть именем ранее умершего ребенка» младенец может унаследовать судьбу ушедшего из жизни. Вместе с тем повсеместно был распространен обычай называть детей именами умерших бабушки или дедушки.

Особое значение выбору имени придавалось в тех семьях, где дети не выживали. Чтобы этого не случилось, давали имена, которые по представлениям могли отпугнуть или обмануть смерть и злых духов: Гороян (от горя), Злоба, Некрас, Нелюба, Немил, Неустрой, обманными именами были Бык, Ветка, Волк, Щука, Кот, Трава и т.д. Таким образом, имя становилось оберегом для ребенка⁴⁷.

В то время пока, бабка и восприемники были в церкви, родители ребенка готовили в доме праздничный обед, который и назывался крестины. Вернувшись из церкви кумовья укладывали ребенка в «Красный угол» под иконы, заворачивали в шубу, «чтобы богатым был». На крестины приглашают родственников, знакомых, которые приходя, желают здоровья и счастливой жизни.

Почетными гостями были крестные и повитуха, которым дарили подарки, а те в свою очередь дарили подарки крестнику. В конце застолья повитуха приносит кашу рисовую на молоке, просяную или какую либо другую. Все сидящие за столом должны попробовать этой каши, бабка часто всех присутствующих угощает и вином в рюмке на тарелочке, после того как вино выпито на блюдце кладут деньги «Бабке на кашу».

В целом обрядность крестинного обеда насыщена магическими действиями и приговорами, пожеланиями, цель которых обеспечение

⁴⁷ Мадлевская Е. Имянаречение // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С.148-150.

жизни и здоровья не только родившемуся ребенку, но и всему живому. На крестинном обеде все обряды, все формулы-пожелания, характерные для магии плодородия, сближающие праздник рождения ребенка с аграрными праздниками. Это последний обряд, связанный с действиями повивальной бабки, и он же завершает цикл родильно-крестильной обрядности в целом.

По мнению специалистов по теории ритуала, одна из основных функций традиционных обрядов (и особенно — так называемых «ритуалов жизненного цикла», связанных с рождением, взрослением, браком, смертью) состоит в преодолении своеобразного «зазора» между биологическим и социальным, между культурной реальностью мира людей и физической реальностью природного мира. «В традиционной культуре, — полагает А. К. Байбурин, — событие, соотнесенное с ритуалом (смерть, рождение), может и произойти, но человек считается умершим и родившимся только после совершения соответствующих обрядов». Иными словами, ритуальная активность человеческого сообщества как бы дублирует природные процессы, формируя социально приемлемые образы рождения и смерти, новорожденного и умершего, преобразуя или предвосхищая физиологические изменения при помощи специфических механизмов культуры⁴⁸.

С этой точки зрения крестьянские обряды, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка, представляют собой комплекс мероприятий, направленных на придание ему «человеческих» качеств («правильная» форма тела, способность видеть, слышать, говорить и т. п.). До совершения подобных ритуалов новорожденный воспринимается как существо, не принадлежащее к миру людей, или как «недоделанный», «неоформленный» человек⁴⁹. В эту стратегию постепенного

⁴⁸ Байбурин А. К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 18—28.

⁴⁹ Панченко А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. № 3 (17) (2004). Доступ через: <http://www.strana-oz.ru/?numid=18&article=862>

«формирования», «очеловечивания» и социализации младенца в крестьянской ритуальной культуре был успешно инкорпорирован и церковный обряд крещения. По мнению одного из крупнейших отечественных этнографов Д.К. Зеленина, крестьянские обряды, связанные с крестинами, следует рассматривать «как акт приема новорожденного в общину». В деревенской культуре русских представления о крещении связываются не столько с религиозной, сколько с социальной идентичностью: слово «крещеный» используется для обозначения принадлежности к миру людей как таковому. Некрещеные или умершие до крещения дети считались нечистыми существами: предполагалось, что у них «нет подлинной души», их не хоронили на кладбище вместе с другими покойниками. Согласно распространенному у славян поверью, после смерти некрещеные дети превращаются в демонов. Если ритуалы, связанные с рождением, были преимущественно ориентированы на формирование «правильного» физического облика младенца, то «крестильная» группа обрядов делала его «правильным» человеком в социальном смысле. Поэтому в крестьянской культуре крестные оказываются не столько «поручителями за веру крещаемого, обязанными наставлять его в правилах христианской жизни и в последующее время», сколько своеобразными «социальными родителями», посредниками между новорожденным и крестьянской общиной, крестные одновременно оказываются и «социальными», и «сакральными» покровителями ребенка⁵⁰.

⁵⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 323.